

Н. А. Родина

ОНОМАСТИЧЕСКАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ РОССИЙСКОГО ВОЕННОСЛУЖАЩЕГО

Статья посвящена верификации предположения о том, что изучение ономастической составляющей позволяет полнее раскрыть специфику языковой личности российского военнослужащего. В результате проведения теоретического анализа существующих трудов дается обобщенное понятие языковой личности как образа носителя знаний, моделей поведения и реакций, культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей. Пласты лексики, доступные индивидууму для общения, рассматриваются с точки зрения стилистической дифференциации, а также в их делении на имена нарицательные и собственные. Онимы представлены как лингвокультурологические единицы, составляющие особую знаковую систему. Автор предлагает применение понятия ономастического пространства к социальному коллективу и дает развернутую характеристику различным именам собственным, называющим субъекты и объекты деятельности в военном социуме, демонстрируя необходимость изучения официальных и неофициальных антропонимов, топонимов, хремотонимов, эргонимов и хронимов, поскольку это позволит раскрыть такие качества личности российского военнослужащего, как патриотизм, эмоциональность, а также высокий уровень интеллектуального развития и креативности в создании именовании.

The article verifies the proposal that the study of the onomastic component makes it possible to reveal more fully the specific of the language personality of the Russian military officer. Theoretical analysis of existing papers results in a generalized concept of a language personality as an image of a bearer of knowledge, models of behavior and reactions, cultural-linguistic and communicative-activity values. The vocabulary activated in communication is considered from the point of view of stylistic differentiation, as well as in its division into common and proper names. Onyms are presented as linguoculturological units that make up a special sign system. The author proposes the application of the concept of onomastic space to a community and gives a detailed description of various proper names that call the subjects and objects of activity in a military society, demonstrating the need to study official and unofficial anthroponyms, toponyms, chrematonyms, ergonyms and chrononyms, since this will reveal such qualities of military officers as patriotism, emotionality, as well as high level of intellectual development and creativity in naming.

Ключевые слова: язык, культура, языковая личность, имена собственные, российский военнослужащий

Keywords: language, culture, language personality, proper names, Russian military officers

Введение

Во все времена язык выступал наиболее яркой опознавательной чертой нации. В подтверждение этому Пифагор рекомендовал «для познания нравов какого ни есть народа» прежде всего изучить его язык.

Обслуживая этнос, язык делает его языковым коллективом — совокупностью социально взаимодействующих индивидов, обнаруживающих единство языковых признаков. Можно говорить, что носители литературного языка, говоров, диалектов, профессиональные сообщества также являются языковыми коллективами. На фоне понятия языкового коллектива интересным представляется изучение языковой личности.

Данное понятие, появившись в рамках антропологической лингвистики, заняло в ней центральное место. Постановка вопроса о языковой личности положила начало лингвистической персонологии.

Основная часть

Один из основоположников лингвистической персонологии, Г.И. Богин, дал в книге «Современная лингводидактика» следующее определение: «Языковая личность — человек, рассматриваемый с точки зрения его готовности производить речевые поступки». И далее: «...тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [2, с. 3]. Однако бóльшую известность получило определение Ю.Н. Караулова, обозначившего языковую личность как «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [11, с. 245].

Поскольку представление о языковой личности подразумевает рассмотрение не только носителя языка как конкретного живого человека, но и абстрактной сущности, данное понятие нашло отражение в разработках и «частночеловеческой», и «многочеловеческой», «симфонической» личности [24]. Подобное разделение получило дальнейшее развитие в работах, описывающих «коллективную языковую личность» или «совокупную языковую личность» как сообщество людей, говорящих на данном языке, и «индивидуальную языковую личность» как отдельного представителя сообщества. При этом И.И. Сентенберг отмечает, что совокупная языковая личность «вариативна в территориальном, профессиональном, культурном, половом отношении», что позволяет изучать языковые личности детских, молодежных, рабочих коллективов, поколений, гендерных групп и т.д. [21, с. 15]. В эту концепцию небольшую поправку предлагает внести А.А. Ворожбитова, применяя термин «коллективная / совокупная языковая личность» к

народу в целом и «групповая языковая личность» — к узкосоциальным сообществам [6, с. 139]. Таким образом, этнос как языковой коллектив можно считать коллективной языковой личностью.

«Человеческий фактор в языке» находится в центре изучения лингвокультурологии. Она, в свою очередь, исходит из понимания языковой личности как «закрепленного преимущественно в лексической системе базового национально-культурного прототипа носителя определенного естественного языка» [5, с. 17]. С учетом уникальности человека и весомости ценностного фактора личности рассматривает данное понятие В.И. Карасик: «Языковая личность — обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [8, с. 363]. Поставив изучение языковой личности на стык лингвокультурологии и социолингвистики, он видит «модельную» языковую личность как «типичного представителя определенной этносоциальной группы, узнаваемого по специфическим характеристикам вербального и невербального поведения и выводимой ценностной ориентации» [9, с. 99].

Язык объединяет людей в нацию, передает культурные традиции из поколения в поколение. Именно поэтому воспринимать мир так, как воспринимает его собеседник, позволяет изучение языка носителя этой культуры [10]. Языковые знаки выполняют функцию знаков культуры и проецируют культурно-национальную ментальность представителей нации. Языковая личность, в свою очередь, является носителем национальной культуры и национального характера, закодированных в языковых знаках.

Особым классом лингвокультурологических единиц выступают онимы, образующие уникальную знаковую систему. Будучи источником культурно обусловленной информации, имена собственные отражают вехи истории и специфику быта, национальные особенности общества, закрепляют в сознании традиции и возможные изменения менталитета [3], в связи с чем служат не только идентификаторами лиц и объектов, но также передают информацию о сущности номинантов.

Ономастическая лексика обладает системным характером, поскольку любое имя собственное может быть воспринято только в составе объединения как целостной реальности. Данное положение в ономастике общепринято [22]. В то же время отмечается активное взаимодействие разрядов имен собственных, их объединение в более значимые системы, что приводит к размытию границ в иерархическом строе ономастикона [12; 25].

Помимо того, что имена собственные находятся в системных отношениях, они образуют «ономастические пространства». Этим термином традиционно обозначают единицы ономастического поля, локализующиеся в конкретном географическом регионе [23, с. 11–12]. Позже термин «пространство» стал широко использоваться для обозначения различных совокупностей имен собственных как отражающий пространственный и временной факторы бытования онимов. Так, для обозначения совокупности названий географических объектов применим

термин «топонимическое пространство», в отношении именованных лиц — «антропонимическая система», «антропонимия», совокупность же антропонимов и топонимов может определяться как ономастическое пространство, ономастикон, ономастический континуум.

Руководствуясь расширенным пониманием топонимического пространства как «топонимической системы», «определенным образом организованной совокупности топонимов данного этноса для данного времени на данной территории» [26, с. 283], понятие ономастического пространства допустимо применять к совокупностям онимов, объединяемых социальным признаком, применяемых к представителям определенных слоев общества.

54

Система онимов становится предметом научного рассмотрения и в когнитивном ракурсе. Онимы представляют собой своеобразное зеркало концептуальной информации и результатов ментальной деятельности человека, в связи с чем наука говорит о «концептосфере онимов» как своеобразном фрагменте языковой картины мира [26].

Имена собственные, бытующие в любом социуме, существуют не только в виде совокупности именованных в документах и коммуникации, но и в сознании представителей этого социума — как индивидуальном, так и коллективном. Таким образом, ономастическая категория является результатом постижения человеком реалий и персоналий с их интерпретацией языковым сознанием.

Концептуальное пространство имен собственных содержит в себе языковые знания, а также различные типы знания, необходимые человеку для осуществления речемыслительной деятельности в процессе взаимодействия с окружающим миром. Основываясь на том факте, что онимы представляют собой своеобразное зеркало концептуальной информации и результатов ментальной деятельности человека, был введен термин «концептосфера онимов», применяемый для обозначения имен собственных как отдельных фрагментов языковой картины мира.

Ономастический аспект языковой личности представителей профессий до сих пор не становился предметом научного исследования. В целом даны описания языковой личности политика [13], полицейского [15], судебного оратора [1], врача [7], педагога [27] и т. д. Работ, посвященных особенностям репрезентации русской языковой личности военнослужащего, нами выявлено не было.

В настоящее время Вооруженные силы представляют собой один из наиболее влиятельных социальных институтов России. Как и в любом другом сообществе, коммуникация в военном социуме имеет ряд особенностей. Одной из них является употребление просторечий, наряду с элементами официально-делового, канцелярского языка, языка приказов и распоряжений, что может характеризовать данную культуру общения как низкую. Также отличает языковую личность военнослужащего высокая частотность использования лексических единиц, дающих альтернативное именование объектам действительности, то есть жаргона, обеспечивающего простоту общения посредством эмоционального единения [14].

Рассмотрение типичных черт общения представителей военного социума делает возможным разностороннее изучение языковой личности военнослужащего, в которой персонифицируется родная языковая картина мира [19]. В настоящем исследовании мы обращаемся к описанию ономастического пласта лексики, который, частично входя в военный жаргон, позволяет языковой личности российского военнослужащего реализовываться на коммуникативном уровне.

Прежде всего необходимо обратиться к *антропонимам*, бытующим в военном социуме.

Наиболее значимым для отражения специфики Я-самосознания военнослужащего является прозвище. По определению, данному в Словаре русской ономастической терминологии, это «дополнительное имя, данное человеку окружающими людьми в соответствии с его характерной чертой, сопутствующим его жизни обстоятельством или по какой-либо аналогии» [16, с. 115]. Как универсальная антропонимическая категория, прозвища выступают «зеркалом» индивида, отражают возрастные, психологические особенности коммуникантов, разнообразные отношения между ними и способствуют формированию особого самосознания, связанного с развитием различных сторон личности, которые выражаются в языковых средствах.

Прозвище как ономастическая категория изучено в достаточной степени. На сегодняшний день существует несколько вариантов таксономии, оптимальной представляется следующая классификация прозвищ, основанная на зависимости прозвища от мотивационного признака:

- прозвища, образованные от официальных идентификаторов носителя (от фамилий, имен и отчеств);
- прозвища, образованные по характеризующим признакам и ассоциациям (по особенностям внешности, поведения, характера человека, жизненных ситуаций, по связи с жаргонной лексикой и именованиями близких, знаменитых людей и персонажей) [17].

Поскольку из всех официальных антропонимов фамилия имеет объективно приоритетный статус в Вооруженных силах, образованные именно от них прозвища преобладают в неофициальной коммуникации офицеров и солдат. Яркие примеры таких именовании — Кот (Котов), Мороз (Морозова), Петя (Петров). Так как специфической чертой бытования рассматриваемого социума является активное действие, военнослужащие отмечают особенности поведения сослуживцев, которые зачастую становятся мотивами номинации, например для таких прозвищ, как Айболит (заботится о животных) или Мудрый (дает дельные советы товарищам). Несколько реже молодые представители армии и флота обращают внимание на внешность и жизненные обстоятельства товарищей, что способствует появлению таких неофициальных именовании, как Полторашка (невысокий рост), Сивый (блондин) или Татарин (родом из Татарстана). Гораздо меньше выявлено прозвищ, мотив номинации которых связан с известными деятелями культуры, а также

вымышленными персонажами, что может свидетельствовать о концентрации представителей социума на фактах объективной реальности, в том числе в неформальном общении.

Как и другие имена собственные, прозвища аккумулируют и транслируют информацию о национальной культуре. Так, например, Дед Мороз соотносится с именем русского народного сказочного персонажа, Бутусов – с фамилией рок-музыканта, а Городецкий – с фамилией героя отечественного фантастического романа.

Признак национальной принадлежности несет в себе и официальный антропоним – фамилия, которой, напомним, в военном социуме отведено особое место. Приоритет этого идентификатора подтверждает графическая фиксация на шевроне униформы. Рассмотрение фамилий в военном социуме также позволяет выявить социолингвокультурный компонент языковой личности российского военнослужащего.

Согласно личным данным, находящимся в свободном доступе, большинство фамилий российских военнослужащих имеет славянское либо русифицированное происхождение (Кузнецов, Юшкевич, Устищенко), что объясняется родственной связью между русским, белорусским и украинским языками. Эти официальные идентификаторы образованы от прозвищ (чаще профессиональных) и личных имен предков. Среди фамилий также, хотя и в незначительном количестве, встречаются именованья, относящиеся к европейской и азиатской системам номинации (Лафу, Кон-Оол), что обусловлено исторической и современной интеграционной политикой России [18].

Деятельность представителей военного социума подразумевает не только межличностные контакты, но и эксплуатацию технических средств. В истории уже прочно закрепилась такая характеристика оружия, как «боевой друг», свидетельствующая о тесной связи бойца, например, с автоматом или танком. С этой точки зрения информативны и имена собственные объектов, создаваемых для армии и флота. На сегодняшний день в военном подязыке принята двойная номинация: индексирование и присвоение словесного ярлыка – *хремотонима*. Последний при этом не сообщает каких-либо объективных сведений, но может рассказать об удивительных свойствах техники или, напротив, скрыть их. Подобное сочетание мотивов и способов номинации раскрывает такую особенность военного социума, как коммуникация, опосредованная техникой и вооружением [20].

Подобно самим представителям армии и флота, военная техника имеет именованья официальные и неофициальные. Хремотонимы, фигурирующие в документации, могут присваиваться объектам по ряду признаков. Из мотивов номинации особенно частотны такие, как форма предмета и его связь с близкими для службы понятиями (ЗРК «Клинок» и «Кинжал» – за вытянутую форму), ассоциации (светошумовая граната «Факел», бронезилеты «Гусар», «Драгун», «Казак»).

Поскольку юмор в военном социуме играет немаловажную роль, способствуя своеобразной эмоциональной разрядке офицеров и солдат в условиях вынужденной предельной концентрации, большая часть

официальных именовании техники и вооружения имеет юмористический характер. Яркими примерами таких хрематонимов являются следующие: противоосколочное одеяло «Уют», 533-мм торпеда «Игрушка», система противолодочного вооружения «Атлантида».

Подобно самим военнослужащим, техника получает неофициальные именовании — прозвища, которые даются по каким-либо отличительным характеристикам: внешнему виду («раненый слон» — БТР-70 с множеством пушек и автоматов), созвучию или идентичности букв в официальном названии («дашка» — ДШК), особенностям эксплуатации («дроворуб» — МГ-42 с высокой кучностью стрельбы). Специфика военной неофициальной хрематонимии свидетельствует о находящемся отражении в языке психологических особенностях коммуникации представителей социума: их наблюдательности, креативности, лаконичности и т. п.

Представляя собой объединение людей одной профессии, военный социум в нашей стране имеет специфическое название (эргоним) — Вооруженные силы Российской Федерации. Подобные специальные названия существуют для каждого учреждения и организации в армии и на флоте. Так, к военным эргонимам относятся следующие именовании:

- названия видов, родов войск и сил;
- названия организаций, объединенных особой военной целью;
- названия военно-учебных заведений.

При обозначении военных организаций зачастую используется форма аббревиатур, которая способствует экономии языковых средств, при этом позволяя сохранить информацию об учреждении, например ВДВ — Воздушно-десантные войска, ВИФК — Военный институт физической культуры, Генштаб (ГШ) — Генеральный штаб.

Помимо собственно информационной функции, все эргонимы, вызывая у человека некие ассоциации, выполняют еще и воздействующую функцию, поэтому изучение названий военных организаций дает возможность изучить механизм такой когнитивной реакции, возникающей у военнослужащих.

В основном военные эргонимы используются в полной форме и зачастую содержат в своем составе фамилию личности, знаменитой в России благодаря своим трудам, подвигам и другим заслугам. Антропонимический компонент позволяет использовать в названиях организаций имена выдающихся деятелей отечественной науки, общества и военного дела для увековечивания их заслуг, а также для повышения авторитета этих организаций за счет актуализации сведений о знаменитостях, хранящихся в фоновых знаниях россиян.

И наконец, важным аспектом реализации языковой личности военнослужащего является использование специфических *топонимов*. Эти названия географических объектов накапливают в своей семантике информацию о преобразовательной деятельности человека и потому занимают особое место в ономастическом пространстве военного социума. Исследование мотивов номинации военных топонимов позволяет

получить сведения не только об особенностях повседневной деятельности представителей этой профессии, но и о системе их ценностей, поскольку «название места всегда сохраняет следы событий, с ним связанных, то есть имеет пространственно-временные и информационные характеристики» [4, с. 7].

В соответствии с общепринятой типологией и особенностями функционирования военного социума научный интерес представляет изучение следующих классов военных топонимов:

– военные дромонимы, называющие пути сообщения ВС РФ, а также стационарные объекты транспортной инфраструктуры (космодром Свободный, морской порт Полярный, аэродром Амдерма-2, полевой Припять);

– военные хоронимы, называющие полигоны (КапЯр, Цугол);

– военные ойконимы, называющие закрытые населенные пункты (Вулканный, Порт, Серпухов-15).

Военная топонимия отражает особенности бытования военного социума в целом и языковой личности его представителя в частности, поскольку позволяет выявить как языковые особенности, касающиеся этимологии и способов образования, так и экстралингвистические особенности: с одной стороны, строгость, шаблонность, с другой – творческий подход и хорошо развитое ассоциативное мышление.

Поскольку военное имятворчество распространяется не только на лиц, географические объекты и технику, но и на события, следует упомянуть о необходимости рассмотрения *хрононимов*. Названия событий в военном социуме включают именованья дней воинской славы и памятных дат (День победы русских воинов князя Александра Невского над немецкими рыцарями на Чудском озере, День Военно-морского флота), военных операций («Багратион» в Великой Отечественной войне, «Гранит» в Афганской войне), акций («Бессмертный полк», «Военная служба по контракту – мой выбор»). Своеобразие лексико-семантических особенностей военных хрононимов также отражает мировоззрение и специфику демонстрации превосходства российских армии и флота.

Заключение

Посредством изучения ономастического пространства и анализа особенностей функционирования имен собственных в конкретном социуме раскрываются многочисленные параметры лингвокультур. Концептосфера онимов, отображая специфические знания языковой личности о мире, способствует взаимодействию концептуального содержания и языка.

В ономастическое пространство военного социума входят имена собственные как субъектов, так и объектов, что подразумевает накопление и трансляцию информации о них и их свойствах. Ономастическая составляющая языковой личности российского военнослужащего включает в себя бытование таких идентификаторов и маркеров, как

непосредственно антропонимы, называющие офицеров и солдат, хре-матонимы, именующие продукты материального и интеллектуального творчества военнослужащих, эргонимы, называющие военные объеди-нения, топонимы, являющиеся именованями географических объек-тов, с которыми связана повседневная деятельность представителей во-енного социума, а также хрононимы, именующие события, имеющие или имевшие в нем место в какой-либо промежуток времени. Изучение языковой личности военнослужащего с точки зрения создания и ис-пользования ими имен собственных в профессиональной сфере позво-ляет раскрыть такие качества личности российского военнослужащего, как патриотизм, эмоциональность, а также высокий уровень интеллек-туального развития, необходимый для творческого подхода к созданию именованных.

Список литературы

1. Баишева З.В. Языковая личность судебного оратора А.Ф. Кони : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2007.
2. Богин Г.И. Современная лингводидактика. Калинин, 1980.
3. Болдырев Н.Н. Интерпретация мира и знаний о мире в языке // Когни-тивные исследования языка. 2014. Вып. 19. С. 20–28.
4. Вартанова О.А. Англоязычные топонимы и их стилистический потенциал в поэзии : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994.
5. Воркачев С.Г. Этносемантика паремии: сопоставительный анализ метафо-ризованных показателей безразличия в русском и испанском языках // Язы-ковая личность: культурные концепты. Волгоград ; Архангельск, 1996. С. 16–25.
6. Ворожбитова А.А. Теория текста: антропоцентрическое направление : учеб. пособие. М., 2014.
7. Гагарина Е.Ю. Способы самопрезентации языковой личности врача на ме-дицинских интернет-форумах // Гуманитарные исследования. 2014. №2 (50). С. 19–22.
8. Карасик В.И. Языковая личность: аспекты изучения // II Междунар. науч. конф. «Язык и культура», Москва, 17–21 сентября 2003 г. : тез. докл. М., 2003. С. 362–363.
9. Карасик В.И. Модельная личность как лингвокультурный концепт // Фи-лология и культура : матер. 3-й междунар. науч. конф. : в 2 ч. Тамбов, 2001. Ч. 2. С. 98–101.
10. Караулов Ю.Н. Общая и русская идеография. 2-е изд. М., 2010.
11. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. 7-е изд. М., 2010.
12. Королева И.А. Ономастические пространства и поле в языке // Русская речь. 2003. №2. С. 86–86.
13. Кричун Ю.А. Языковая личность политического деятеля: дискурсивные характеристики (на материале речей Уинстона Черчилля) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2011.
14. Лазаревич С.В. Лексика и фразеология русского военного жаргона (се-мантико-словообразовательный анализ) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2000.
15. Масыч Т.Л. Профессиональная языковая картина мира сотрудников правоохранительных органов : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2010.

16. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. М., 1988.
17. Родина Н.А. Изучение ономастического компонента на занятиях по культуре речи с иностранными курсантами (на примере военных прозвищ) // Обучение русскому языку как иностранному и как родному: Диалог культур : сб. матер. докл. V юбилейной межвуз. науч.-практ. конф. М., 2019. С. 197–202.
18. Родина Н.А. Особенности официальных антропонимов российских военнослужащих (на материале фамилий курсантов) // Язык, культура, менталитет: проблемы изучения в иностранной аудитории : сб. науч. ст. XVIII междунар. науч.-практ. конф. СПб., 2019. С. 65–69.
19. Родина Н.А. Фрагмент описания личности российского военнослужащего в свете социолингвистики (на материале бытования индивидуальных маркеров) // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12, №1. С. 150–154.
20. Родина Н.А. Юмористические мотивы номинации российской военной техники // Неофилология. 2019. Т. 5, №19. С. 327–337.
21. Сенценберг И.И. Языковая личность в коммуникативно-деятельностном аспекте // Языковая личность: проблемы значения и смысла. Волгоград, 1994. С. 14–25.
22. Суперанская А.В. Общая теория имени собственного. М., 2012.
23. Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография. Волгоград, 2000.
24. Трубецкой Н.С. К проблеме русского самопознания // Вавилонская башня-2: Слово. Текст. Культура. Ежегодные чтения памяти кн. Н.С. Трубецкого. 2002–2003. М., 2003. С. 7–12.
25. Филин Ф.П. О лексико-семантических группах слов // Езиковедски исследования в чест на академик Стефан Младенов. София, 1957. С. 536–539.
26. Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики : монография. Тамбов, 2012.
27. Яковенко Л.К., Аульбекова Ж.С. Языковая личность учителя: автопортрет // Современные проблемы науки и образования. 2013. №6. С. 13.

Об авторе

Надежда Андреевна Родина – канд. филол. наук, доц., Военный институт физической культуры, Санкт-Петербург, Россия.

E-mail: esperance84@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4013-919X

The author

Dr Nadezhda A. Rodina, Associate Professor, Military Institute of Physical Culture, Saint Petersburg, Russia.

E-mail: esperance84@mail.ru

ORCID: 0000-0003-4013-919X